

Рецензии и хроника

Т.Н. Резвых

Отец Павел Флоренский как персоналист
(рецензия на книгу: *С.М. Половинкин*
Христианский персонализм
священника Павла Флоренского.
М.: РГГУ, 2015. 362 с.)

В статье разбирается интерпретация творчества о. П. Флоренского, осуществленная С.М. Половинкиным, исследуется специфика позиции исследователя, дан анализ структуры книги, сделан вывод о значении данного труда для нынешнего этапа развития истории русской философии.

Ключевые слова: личность, монада, антиномия, персонализм, лейбницанство.

С.М. Половинкин – крупнейший в России исследователь русской философии, как и целый ряд других ныне значительных специалистов в этой области, много лет назад пришедший в нее из точных наук. Окончив механико-математический факультет МГУ в 1959 году, свою кандидатскую диссертацию он защитил фактически по истории философии – «Значение точных наук для обоснования философского знания (до Канта)» (1974). Сергей Михайлович – автор книг: «Сергей Александрович Нилус (1862–1929). Жизнеописание» (М., 1995), «Всё (опыт философской апологетики)» (М., 2004), «Князь Е.Н. Трубецкой. Жизненный и творческий путь» (2010) и др., многолетний исследователь наследия о. Павла Флоренского, участник первого и второго (ныне выходящего) сбораний его сочинений, публикатор писем Флоренского (С.Н. Булгакову, М.А. Новоселову, В.А. Кожевникову, В.В. Розанову, детям¹), автор большого количества статей о нем, участник большинства конференций, посвященных творчеству о. Павла, уникальный знаток его философии и жизни. Между его первой монографией о Флоренском «Логос против хаоса» (М., 1989) и нынешней прошло более 25 лет, и книгу, вышедшую в издательстве РГГУ, можно считать итоговой для ученого, отдавшего Флоренскому долгие годы работы.

Отметим, что С.М. Половинкин уже обращался к теме персонализма Флоренского. Так, в текст монографии целиком вошла статья пятилетней давности «Душа-субстанция в персонализме священника Павла Флоренского», где автор прямо заявил о существовании и специфике русского персонализма: «Русский персонализм понимал личность как единицу, созданную Богом по собственному образу и подобию, т. е. обладающую богоподобной творческой свободой по отношению к самому себе, к миру и обществу»². В другой статье С.М. Половинкин писал о значении истории в концепции отца Павла: «для Флоренского история, в подлинном значении этого слова, конкретна, персоналистична; такая история не подчинена общим законам, в ней совершается творчество нового небывалого <...> История для Флоренского живое и продолжающее жить; и человеку следует познать энтелехийную перспективу истории, чтобы сообразовать с ней свою личную жизнь и направление своей творческой деятельности»³.

Представленная в книге трактовка наследия Флоренского призвана преодолеть сложившийся взгляд на Флоренского как на мыслителя, в системе которого нет места ни личности, ни истории, заданный в свое время работами Н.А. Бердяева и о. Георгия Флоровского. Она радикально отличается и от версии С.С. Хоружего, которая, в сущности, лишь детально развивает взгляды Бердяева, изложенные в его статье «Стилизованное православие. Отец Павел Флоренский»⁴. В книге «После перерыва. Пути русской философии» (1994) Хоружий рассматривает творчество Флоренского в контексте мифологемы Эдема: бытие и познание рассматриваются с точки зрения уровней воплощения (и самой возможности) в нем утраченной (но обретаемой) идеальной (следовательно, неподвижной, статичной) реальности утраченного земного рая. Поэтому Флоренский – прежде всего символист, занятый поисками образов рая и выстроивший систему в соответствии со следами и знаками этого рая. С мифологемой Эдема Хоружий связывает и конкретность метафизики Флоренского. Убеждение Флоренского, что всякое эмпирическое явление зримо обнаруживает свою духовную сущность, а всякий духовный предмет конкретен, демонстрирует именно эту идею. Бытие Флоренского – платонова пещера, из которой узники могут выйти и найти мир, наводненный конкретными явлениями сияющего солнца. Но если все бытие есть конкретное выражение реальности Эдема, в нем нет места истории и личности.

Эта версия трактовки понимания творчества Флоренского предлагается и в известной монографии И.И. Евлампиева, где Флоренскому не только отказано в наличии идей личности, развития, динамизма, истории и времени, но категорически утверждает-

ся, что даже и статичный сам по себе платонизм Флоренский довел до абсурда: «в своем стремлении восстановить платонизм в качестве незыблемой основы церковно-догматического мировоззрения Флоренский доходит до очевидных нелепостей, <...> в варианте Флоренского платонизм приобретает почти гротескный вид: вся реальность описывается здесь с помощью абсолютно статичной модели двух “миров” – мира божественно-духовного и мира вещно-телесного, из которых второй является “испорченной” копией первого (“испорченной” в результате грехопадения)»⁵. С этими взглядами на творчество Флоренского аргументированно полемизирует автор монографии. Для Половинкина Флоренский – представитель русского христианского персонализма (характерно, что в книге символу, о котором пишут больше всего, посвящена только одна «статья»).

Книга разбита не на обычные части, главы и параграфы, а состоит из 59 «статей», озаглавленных в соответствии с главными понятиями философии Флоренского: «Аритмология», «Организмизм», «Личность», «Усия и ипостась», «Свобода», «Вера», «Род», «София», «Космос», «Чудо» и т. д., названия которых восходят к заголовкам писем «Столпа». Перед читателем разворачивается своеобразная энциклопедия, сумма взглядов, описанная по преимуществу языком самого философа: каждое понятие есть монада-личность в концепции Флоренского. Исследователь стремится не прибегать к «измам», ограничить компаративный ряд очень немногими необходимыми моделями (как, например, Московская философско-математическая школа, Кьеркегор), стремясь, прежде всего, к имманентному анализу наследия. Уже в предисловии Половинкин выдвигает ряд принципиальных (и неочевидных) положений: 1) Флоренский не был представителем философии всеединства (в отличие от Соловьева); 2) главным источником умозрения для Флоренского было Священное Писание (а не, предположим, Платон, Кант и Шеллинг); 3) Флоренский – принципиально антисистемен.

Книга претендует, однако, не только на изложение суммы взглядов Флоренского, но на постановку и попытку решения проблемы «русского персонализма», в рамках которого, по мнению исследователя, философское творчество Флоренского занимает одно из центральных мест. Представляется, что взгляд на персонализм сложился у Половинкина именно под влиянием изучения творчества Флоренского. Принципиально важной частью книги является предисловие, в котором автор изложил свое представление о «русском персонализме», главной особенностью которого автор считает «полагание мира аритмологически расчлененным – счетным, зер-

нистым, состоящим из отдельных единиц-монад»⁶. Исследователь фиксирует радикальное отличие «русского персонализма» от его немецкого оригинала: лейбницевским монадам не нужна разомкнутость, поскольку каждая монада уже внутри себя представляет весь универсум, каждая субстанция есть особый мир, независимый от всего другого, кроме Бога; все, что происходит с нами, суть следствия нашего существа. Ни одна отдельная субстанция не действует на другую. По Лейбницу, все, что происходит с каждой субстанцией, есть лишь следствия ее идеи или полного понятия, так как эта идея заключает в себе все ее предикаты; все, что может с ней произойти, и выражает весь универсум. С точки зрения Половинкина, именно разомкнутость монад позволяет им собираться в сложные монады и образовывать «соборное единство». Именно это автор считает воплощением «христианского персонализма»: монады сотворены Богом и образуют град Божий.

Далее исследователь показывает, что именно любовь друг к другу и к Богу выводит монады из самозамкнутости, из духовного сна. Кроме того, автор считает «русский персонализм» метафизикой постклассического типа, «экзистенциальной метафизикой»: в личности на равных сосуществуют эссенциальный и экзистенциальный уровни. Еще одна особенность «русского персонализма» заключается в том, что русская монадология аритмологична и является своеобразным неопифагорейством (с. 8, 14). В связи с понятием аритмологичности в книге предпринимается анализ интуиции прерывности бытия, с развития которой собственно и началось философское творчество Флоренского. Прерывность означает, прежде всего, что бытие состоит из конкретных целостных форм-идей-монад-личностей-атомов-чисел, каждое из которых сохраняет свою индивидуальность, несводимо на другое, уникально. Свою идею прерывности, аналог которой Флоренский нашел в теории групп Г. Кантора, Флоренский рассматривает в качестве противовеса эволюционизму, историзму, имманентизму и редукционизму XIX в. Половинкин показывает продуктивность этой идеи для метафизики вообще. Анализируя различные аспекты прерывности, исследователь, в частности, отмечает: «эмпирическую жизнь расчленяет то, что не есть эмпирическая жизнь, – трансцендентное, но вступающее в связь с трансцендентальным» (с. 38). Следовательно, эмпирическое не только *пронизано* ноуменальным, но и *расчленено* им. Это значит, что трансцендентное *вторгается* в дольний мир как нечто принципиально иное ему. Как представляется, гипотеза непрерывности косвенно обосновывает идею тварности мира, в неразвитости которой, в размытости границ между Богом и тварью так часто упрекают русскую философию. Прерывность объяс-

няет иерархичность мира, зернистость, трещины в мире, образуемые грехом, вторжение вечности во время – и праздника в течение обыденной жизни, свободу Творца и свободу твари, и многое другое в эмпирическом мире. Пожалуй, нигде в литературе о Флоренском мы не найдем столь подробного анализа понятия прерывности. Исследователь делает важный вывод, что «перспектива аритмологического строения мироздания – не континуальное всеединство, но соборное единение разделенных самостоятельных частей» (с. 42). Антиномизм Флоренского, согласно Половинкину, означает соединение принципа «или-или» и принципа дополнительности (требующего одновременности взаимоисключающих определений); множество не исключает единства, свобода не исключает связь. Тем самым антиномизм, как и прерывность, обосновывает идею свободы.

Книга Половинкина стремится преодолеть представление о Флоренском как о мыслителе, у которого в системе отсутствуют свобода и творчество, поэтому в этих целях исследователь подчеркивает, что у Флоренского «личность не есть атрибут и модус Божества» (с. 111), что «личность нравственно свободна при любых влияниях рода, наследственности и имени» (с. 115), отмечая, что, в своем основании восходящую к Канту, антиномию предопределения и свободы Флоренский творчески переводит в иную плоскость: «гармония и равновесие» предопределения (природы) и свободы может осуществляться только в церковном организме, именно поэтому свобода и творчество проявляются в высшей степени в той сфере, где их обычно не ищут: в сакральной деятельности, в культе. Автор книги убедительно доказывает: стремление к конкретности как принципиальная установка русской религиозной философии нашло одно из самых совершенных воплощений в философии культа отца Павла. В культе для человека открывается возможность для личности соединить образ и подобие Божие, из сырой природы вновь стать той вершиной творения, которая была сотворена Богом для соединения творения с Самим Собой.

Персоналистические мотивы автор книги видит там, где их обычно не замечают, хотя каждый, открывший первые страницы «Философии культа» бывает поражен образом Личности-Креста («Крест – живое существо, разумное, сознательное, духовное, способное слышать наши молитвы и отзываться на них»⁷), и далее в тексте лекций Флоренский настойчиво повторяет, что все культурные вещи – личностны, что «правое» и «левое» может характеризовать только живое существо: «Это правило реальных, а не субъективных сторон вещей-существ распространяется на всю область культа», человек «живет в среде полновесной и вязкой,

потому что он имеет дело с существами живыми»⁸. И если Флоренский в «Общечеловеческих корнях идеализма» говорит о том, что из каждой твари истекают живые силы, которые связывают ее с другими тварями, о том, что каждая былинка – особый мир, что «все вещи взирают друг на друга, тысяче-кратно отражают друг друга»⁹, не есть ли это, в самом деле, – особый персонализм, где различия между одушевленностью былинки, животного, человека, ангела – только в градации, в степени, в уровне, но не в качестве? Одушевленность природы, считающаяся признаком мифологического мышления, Флоренский потенцирует до христианского персонализма, подлинной персонификации всего живого. Речь идет о понимании идеи как живого существа, личности, а личности как идеи, как максимально воплощенного понятия; о предельном сближении абстрактного и конкретного. Предшественником Флоренского был В.С. Соловьев, подробно развивший эту мысль в «Чтениях о Богочеловечестве»: каждый элемент Богочеловеческого организма есть 1) нечто единичное (атом), 2) нечто живое, действующая сила (монада), 3) некое качество, содержание, т. е. идея; органический характер придает бытию именно идеальное содержание, полная действительность принадлежит существованию идеальным, идея – не понятие, а живое существо, более того, только идея и есть живое существо¹⁰. Первым русским «неолейбницеанцем-персоналистом» Половинкин считает именно Соловьева, тем самым намекая специфику того, что он называет «русским персонализмом» – концепцию взаимодействующих, взаимоотражающих друг друга монад, объединение их в «соборное единство» (с. 11). Следовательно, «русский персонализм», в понимании автора – это представление о бытии как об иерархическом организме монад, в том числе и бессловесных тварей, конкретных и идеальных, а вовсе не представление об уникальности человеческой личности и противопоставленности ее всему остальному бытию. В рамках такого персонализма получает свое место и идея рода, поэтому можно говорить о «родовой персонологии» (с. 163). Персонализм тем самым не противоречит идее рода. История личностная, но всякая личность принадлежит к роду, имеет происхождение, «ничто не рождается само из себя, но имеет своих родителей» (с. 163), и поэтому «история, в глубоком смысле этого слова, есть познание отцов сыновьями» (там же), т. е. потомком-личностей своих отцов-личностей, но и те и другие личности относятся к определенному роду. Единство рода и личности, усийного и ипостасийного аналогично по своему характеру единству общего и особенного, идеального и реального, антиномическому взаимопроникновению начал, которое только и делает богочеловеческий организм насквозь личностным,

а личность – проникнутой, тесно связанной с этим вселенским организмом.

Важная особенность книги – в том, что автор не стремится нивелировать и сглаживать противоречия в концепции Флоренского. Так, для Половинкина в тесной связи с персонализмом стоит и антиномизм Флоренского. В самом деле, учение об антиномиях призвано разделять, фиксировать непримиримые различия, а не стремиться их сгладить, приуменьшить. Антиномизм Флоренского представляется Половинкину надежным оружием против примирительного характера философии всеединства, и, тем не менее, исследователь признает, что антиномизм вовсе не уберегает Флоренского от склонности к идее всеобщего спасения. Так, например, он честно признает, что не нашел в «Столпе» ответа на вопросы: все ли человеческие самости (эмпирический характер человека, в противовес умопостигаемому характеру (Я)) греховны, и, в связи с этим, сгорает ли в огне геенны только греховная самость или вся человеческая самость (эмпирический характер человека)? На эти вопросы, наверно, пока не нашел ответа ни один читатель Восьмого письма «Столпа».

Применительно к изучению русской философии часто используются широкие термины, под которые подверстывается творчество того или иного мыслителя, или даже целый этап в русской мысли; термины эти получили уже характер штампов, но отказаться от них довольно трудно. Говорят о «метафизике всеединства», «историсофичности», «космоцентризме», «антропологизме» как генеральных идеях, особенностях или соблазнах русской мысли. Персонализм как генеральное понятие для исследования берется гораздо реже и применяется, как правило, к традиции лейбницеанства (А.А. Козлов, Л.М. Лопатин, С.А. Аскольдов, Н.О. Лосский). Можно спорить о возможности самого разговора о специфическом «русском персонализме» (при учете, что его основоположником автор объявляет Лейбница), но тем не менее книга Сергея Михайловича Половинкина, где это понятие не только заявлено, но и рассмотрено на большом материале источников, представляет собой важный этап не только в изучении творчества Флоренского, но и всей русской философии.

-
- ¹ *Флоренский П.* Детям моим: Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание / Сост. игум. Андроник (Трубачев), М.С. Трубачева, Т.В. Флоренская, П.В. Флоренский; предисл., коммент. игум. Андроника (Трубачева). М., 1992.
  - ² *Половинкин С.М.* Душа-субстанция в персонализме священника Павла Флоренского // Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Loseва». 2010. Вып. 11. С. 71.
  - ³ *Половинкин С.М.* Философия истории о Павла Флоренского // Энтелехия. Вестник Костромского Государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 14. С. 79.
  - ⁴ См.: *Бердяев Н.А.* Стилизованное православие // Русская мысль. 1914. Январь. Кн. 1. Отд. 2. С. 109–125.
  - ⁵ *Евлатиев И.И.* История русской метафизики в XIX–XX веках: В 2 т. Т. 2. СПб., 2000. С. 396–397.
  - ⁶ *Половинкин С.М.* Христианский персонализм священника Павла Флоренского. М.: РГГУ, 2015. С. 8. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера страницы.
  - ⁷ *Флоренский П., свящ.* Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии) / Сост. игум. Андроник (Трубачев); подг. текста игум. Андроника (Трубачева), С.М. Половинкина, А.Н. Харьковского, О.Т. Ермишина. М., 2004. С. 40.
  - ⁸ Там же. С. 257.
  - ⁹ *Флоренский П., свящ.* Соч.: В 4 т. М., 2000. Т. 3 (2). С. 151.
  - ¹⁰ *Соловьев В.С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 2011. Т. 4. С. 53–58.